

Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В.В. Розанова.

Полякова И.П., (Липецк)

Тема повседневности в XX веке прочно вошла в сферу современного исследовательского интереса и уже успела обрести собственную традицию. Парадоксальным образом мысль начинает испытывать интерес к повседневности. Ажиотаж вокруг нее в последние десятилетия так велик, что можно констатировать своего рода «поворот к повседневности», которая превратилась в предмет различных социальных наук и междисциплинарных исследований. Часто бывает: сначала что-то третируется как мнимое, несущественное, чуть позже оказывается подлинным, ключевым. Если долгое время повседневность не замечали или пренебрегали ей как мнимой величиной, то теперь она тематизируется самыми разными школами и направлениями (феноменологическая социология, этнометодология, неомарксизм, символический интеракционизм) как целостный социокультурный пласт, в котором прослеживается жизнь «маленького» человека и общества в целом [3]. Его незаметный мир, практики его каждодневной жизни можно реконструировать по оставленным следам, отпечаткам – деталям «материальной культуры»: одежде, домашней утвари, предметам быта, фотографиям, письмам и прочим бытовым «мелочам».

Повседневность представляет собой структурный компонент человеческого опыта, есть то, от чего нельзя уйти никому. Ей можно оказать сопротивление, ее можно ограничить, но не уйти полностью. Повседневность воплощает жажду быть, всегда присутствовать или жить в мире наглядности и быть удовлетворенным именно этой жизнью. Это формирует как ее ценностные приоритеты: жить и удовлетворяться от мира наглядности, так и ценностные ограничения: жить и удовлетворяться только от такого мира. Именно повседневная жизнь во всем ее многообразии представляет

подлинный интерес для представителей «человековедческих» дисциплин. Со времен Сократа, нет для человека более интересного объекта изучения, чем он сам.

Сл. Жижек пишет, что подлинная страсть XX века – проникновение в Реальное сквозь паутину видимости. Дело в том, что сама по себе повседневность неуловима, бесструктурна и хаотична, и в этом смысле ее, как и единой «нашей жизни», не существует. Попытка уловить настоящее, зафиксировать повседневную реальность «как она есть», вне слов и сюжетов, всегда оказывалась авангардным или авангардистским проектом. Например, дипломная работа Вима Вендерса представляет собой очень скучную и концептуальную короткометражку: камера стоит на улице и фиксирует, как ничего не происходит. И, действительно, вроде бы ничего не происходит, но именно в пространстве повседневного происходит формирование личности.

Повседневность, обыденность, будни – непрерывная реальность, в которую мы все одинаково погружены. Не мы находимся в повседневности, а повседневность в нас. Если воспользоваться интерпретацией повседневного присутствия, выполненной Хайдеггером в «Бытии и времени», то можно сказать, что повседневным присутствием мы присутствуем без всякого нашего ведома. Если А. Шюцем повседневность определялась как "высшая реальность", то в теории культуры постмодернизма повседневность превращается в реальность единственную, в которой "тонет" все качественное многообразие мира, все его контрасты и внутренние противоречия, порождая профанную реальность, которая, однако, уже в частном порядке наделяется сакральным смыслом.

В силу этой противоречивой динамики повседневность подчиняется тому, что В. В. Розанов назвал "душа живет"[4]. Душа живет повседневностью: буднями, чередованиями времени суток, сменой привычных видов занятий, встречами с кругом узнаваемых людей и множеством других явлений и процессов, которые заполняют все поры социальных отношений и

составляют содержание того, что называется жизненный мир человека. Но жизненный мир, который складывается в повседневном течении событий, совсем бы не замечался и не воспринимался как ценность, если бы будни не сменялись праздниками, чередование суток – временем тех или иных событий, которые не укладываются в календарный ритм; если бы не было смены привычных занятий – играми и развлечениями, ежедневного общения со знакомыми – неожиданными встречами, которые могут изменить весь ритм предыдущей жизни, но сложатся в индивидуальную мозаичную целостность, которая и явится новым фракталом повседневности.

Повседневность пронизана реализацией самых простейших способностей человека, его умений и навыков, а объектом отражения обыденного сознания является прежде всего природа человека, его самые элементарные жизненные потребности и отправления, которые общи всем людям и в этом они одинаковы: все хотят есть, пить, одеваться, иметь жильё, близких людей, читать книги, ходить в театр, любить, познавать истину и множество других констант бытия человека, которые различаются своим набором, но всегда есть у каждого. Субъектность человека формируется повседневностью "по мере вдумывания в процессы будничной жизни", говоря словами В. И. Вернадского[1]. Обыденная реальность имеет не только внешнюю, социальную сторону, но и внутреннюю, связанную с духовным миром человека и его частной жизнью. Повторяющееся каждый день может иметь нечто инвариантное по форме, но быть каждый раз различным по содержанию. Например, можно разнообразить завтраки, маршруты поездки на работу, манеру разговора с коллегами по работе, форму отдыха в выходной день и т. д. Л. Н. Толстой полагал, что обыденные действия приобретают смысловую глубину в силу их частного характера, сопряженного с индивидуальными переживаниями, размышлениями и фантазиями. Обыденный мир многослоен, выступая своеобразным панцирем сокровенного "Я" человека, защищая его от чуждых ему действий и явлений, способных унижить его и оскорбить его достоинство. Поэтому, снимая слой

за слоем в структуре обыденного мира, мы проникаем в легко ранимые зоны личности, в его "святая святых". Погружаемся в те структуры индивидуального внутреннего мира, которые каждая личность бережёт, создавая для этого многоэтажный дом обыденности с его бесконечными лабиринтами и потаёнными ходами.

Дом, интимное обжитое пространство является необходимым атрибутом повседневности личности. По В.В. Розанову, пространство, которое является для человека своим, это обжитое место дома, его внутренний «покой». Дом впускает друга и не приемлет чужого. Отношения с другим тяготеют к всеобщности, к действию в пространстве публичности, к обозначению границы. Дом, частная жизнь, мир повседневных забот – это своего рода укрытие от всепроникающего света публичности. Человек не мыслим без дома. Философия по В.В. Розанову есть попытка онтологического осмысления повседневности, понятой как дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает самость. Для Розанова нет непроходимой разницы между обыденным и сакральным, вечное живет в повседневном. Более того, вечное дано в повседневном, здесь и теперь, в мимолетных событиях, мелочах, «паутинках быта», в пространстве дома. Подлинное дано только через повседневный опыт. Он разделяет пространство дома, берегающего тепло бытия и чуждое «внешнее место», от которого надо беречь себя и дом. «Крепче затворяй двери дома, чтобы не надуло. Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу. Не сходи с лестницы своего дома – там зло. Дальше дома уже зло, потому что дальше равнодушные [4, С.524].

Возможно это несколько резкое утверждение, но, тем не менее, именно в семье и частной жизни он видит основной источник духовного опыта. Понимание того, что в быту находит выражение духовная составляющая человека, более того, она там формируется, приводит к пониманию необходимости рациональной организации повседневной жизни личности.

В. Розанов последовательно и убедительно доказывает в своих работах необходимость отношения к повседневной жизни человека не как к быту, но

как к бытию. Именно на это была рассчитана его религия «рождающего пола», которая позволила сделать «человека обыденного» «ангелоподобным» человеком и признать его частную жизнь, связанную, прежде всего, с семьей – явлением не обыденным, а религиозным.

Анализируя развитие истории человечества, В. Розанов говорит, что если люди хотят что-то изменить в общественной жизни, им следует пересмотреть основания образовательной системы, которая закладывает весьма противоречивые предпосылки для дальнейшего развития человека как члена социума. Если же человечество хочет изменить саму личность, сущность человека, то следует менять и семью, в которой закладываются духовные основания человека (как и физические). По мнению философа, семья, дом – высшая ценность, священная и самая аристократическая форма жизни.

Все розановские размышления преследуют одну цель – придать святость простому человеку – не герою, не аскету, не мученику, а так называемому «homo trivialas», обосновать ценность его частной жизни, со всеми ее бытовыми заботами и радостями. В семейной жизни философ ценит все: и любовь, и домашний уют, и духовное, и телесное. Он создает своеобразную «религию быта». В. Розанов пишет, что природа вся имеет домашний характер, характер «своего дома», «внутренних покоев», удобств, облюбленных Богом, поэтому и любить природу – значит любить Бога, касаться Его «домашних вещей». Точно также и с человеком: любить его – значит любить Бога, поскольку он есть Его творение. Но – любить человека – значит любить его дом и семью; поскольку они тоже, в какой-то мере, частица Бога. Всякий дом вырастает в храм – это ключевая позиция в «религии жизни» В. Розанова. Родительский дом – «якорь жизни» – обеспечивает основу для воспитания чувства добра, надежности, устроенности человека на всю жизнь. Невозможно представить теплый уютный Дом без семьи. Семья, по В. Розанову, это единственное место, где человек может проявить личное творчество – рождение детей. Маленький личный мир, который состоит из повседневных ритуалов (семейные заботы,

еда, развлечения), для философа важнее, чем любые социальные идеи и потрясения.

Семья выступает как способ познания мира не только для взрослого человека. Она дает основания для духовного опыта ребенка. Именно в семье формируется нравственная позиция, закладывается мировоззрение детей.

Действительно, проблематика повседневности включает в себя самый широкий круг предметов, отношений и явлений, которые очень трудно ранжировать по степени значимости. Однако, место и значение дома чрезвычайно велико.

Библиографический список:

1. Козырьков В. П. Образы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе. Материалы четвертой межвузовской научной конференции (3-5 декабря 2001 г., г. Н. Новгород). Вып. 4. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 5-30.
2. Лелеко В. Д. Статус повседневности в современной культуре // Векторы развития культуры на грани тысячелетий: Материалы международной научной конференции. СПб., 2001.
3. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты). // Личность. Культура. Общество. 2000. Т.2. Спец. выпуск. С. 147-159.
4. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй [Сочинения в 2 т.]: М.: Правда, 1990, Т.2, С.195-274.